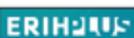

Александрова-Осокина О. Н. Тема «человек и природа» в поэзии Петра Комарова / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 96—109. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-96-109.

Alexandrova-Osokina, O. N. (2021). Theme “Man and Nature” in the Poetry of Peter Komarov. *Nauchnyi dialog, 1*: 96-109. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-96-109. (In Russ.).

УДК 821.161.1Комаров.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-96-109

ТЕМА «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА» В ПОЭЗИИ ПЕТРА КОМАРОВА

© Александрова-Осокина Ольга Николаевна (2021), orcid.org/0000-0003-2960-9920, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет» (Хабаровск, Россия), osokina-11@mail.ru.

Представлена авторская разработка вопросов содержания и поэтики пейзажной и природоведческой лирики дальневосточного поэта, лауреата Сталинской премии третьей степени П. С. Комарова (1911—1949). Новизна исследования состоит в том, что творчество поэта практически не изучено. Актуальность исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к проблемам литературного процесса советского периода, а также интересом к литературно-краеведческим вопросам. Обосновывается мысль о том, что тема «человек и природа» была центральной в поэзии П. С. Комарова. Отмечается, что доминирующим началом в раскрытии этой темы были идеи всеединства и сопричастности. Ставится вопрос о характере отражения в лирике идей эпохи: в частности, выявлены точки пересечения поэтического мировосприятия в стихотворениях цикла «Зеленый пояс» с идеями русского космизма. Проведены наблюдения над спецификой поэтики пейзажной лирики Комарова: выявлена форма пейзажа-экфрасиса, художественные функции пейзажной детали, цветописы, топонимии, панорамного изображения; выявлены некоторые образы-мотивы (природа-сад, природа-книга; мотив братства памяти земли). Приводятся уникальные материалы литературной критики второй половины 1940-х годов, связанной с оценкой творчества Комарова.

Ключевые слова: Комаров Петр Степанович; литературная регионалистика; геополитика; пейзажная и природоведческая лирика; пейзаж-экфрасис.

1. Введение

В статье исследуется лирика дальневосточного поэта Петра Степановича Комарова (1911—1949). В первой половине XX века его творчество получало освещение не только в средствах массовой информации Дальнего Востока, но и в центральной печати: в газетах «Правда», «Литературная газета», в журналах «Новый мир», «Октябрь»; сборники его стихотворений публиковались в столичных издательствах. В 1950 году поэт был удостоен Сталинской премии третьей степени (посмертно). Имя поэта и сегодня является «визитной карточкой» дальневосточной литературы:

стихотворения входят в школьные хрестоматии по краеведению, в г. Хабаровске одноименное название носит одна из улиц и детская городская библиотека. Однако при этой «презентационной» известности творчество поэта изучено недостаточно, что и определяет исследовательский интерес к этой теме.

Актуальность обращения к творчеству П. С. Комарова обусловлена вниманием современного литературоведения к советскому периоду в истории литературы и к проблемам литературной регионалистики. Поэзия П. С. Комарова 1920—1940-х годов представляет интересный материал для наблюдений над особенностями творческой самореализации в контексте соцреалистической эстетики.

Тема «человек и природа» центральная в поэзии П. С. Комарова. Многие его стихотворения носят «природоведческие» названия, обозначающие объекты животного и растительного мира («Медведь», «Белочка-летяга», «Кабарга», «Лось», «Коза», «Иволга», «Сосна», «Кедр», «Дуб», «Женьшень», «Тайга»), сезоны и состояния природы («Снегопад», «Апрель», «Сентябрь», «Зима в Эвенкии», «Ледоход на Уссури», «Суховей», «Весенний пал», «Ночь на Амуре»), трудовую деятельность, связанную с изучением или использованием природных богатств («Сенокос», «Охотник», «Ботаник», «Сборщик желудей», «Тигролов», «Урожай», «Покорители Тукурингра», «Геологи на привале»), топонимические и ландшафтные характеристики Дальнего Востока («Хехцир», «Волочаевская сопка», «Хинганский родник», «В Заливе Счастья», «Советская гавань», «Озеро Ханка», «Топтугарь», «Зея», «Над Шантарскими островами», «Приамурье»).

Уже в ранних стихотворениях стало заметным своеобразие его художественного природоведческого мировосприятия: человек и природа выступают как две равновеликие силы единого мирового пространства; а природа выступает целостным, самодостаточным миром, увиденным словно бы «изнутри» своего бытия, как независимая от человека данность.

2. Чувство природы в лирике Комарова

Изучению «чувства природы» в художественной литературе посвящен значительный объем исследований, в которых прослеживается генезис понятия, специфика индивидуально-авторских воплощений и проводится мысль, что содержание и ценностная окраска отношений «человек и природа» всегда связана с мировоззрением своего времени [Гаврилина, 2009; Гурленова, 1998; Смирнова, 2012]. На рубеже XIX—XX веков и в первой половине XX века успех научных открытий и социальных преобразований определял и общий пафос в отношении вечной темы «человек и природа»,

утверждая деятельную, преобразующую миссию человека на земле. При этом диапазон научно-философских и художественных решений этого вопроса включал многообразие вариантов: от технократизма и природоборчества до концепций всеединства и философии русского космизма.

Обозревая всю лирику П. С. Комарова, в которых так или иначе затрагивается тема природы, можно выделить стихотворения, в которых в соответствии с канонами соцреализма воспевается человек-творец, строитель нового мира, активно вторгающийся в мир природы и изменяющий его, ср.: «В порту», «Советская Гавань», «Скала Ай-я-йя», «Сихоте-Алиньский перевал», «Медвежий угол», «Изыскатели».

Поэт прославляет достижения технического прогресса своего времени: «Рядом лес шумит машинами, / А внизу звенит металл, / Берег занятый машинами, / Рубежом исходным стал. / На тайгу в поход идут они, / Горы приступом берут, И опорными редутами / Стройки новые встают» («В порту») [Комаров, 1992, с. 186]; «А поезду — и реки нипочем, / И эти вот заоблачные горы: / Он со своим усердным «толкачом» / Взбирается в небесные просторы» («Сихоте-Алиньский перевал») [Там же, с. 162]. В ряде стихотворений в духе советской идеологии проводится противопоставление особенностей советского и дореволюционного природопользования: так, например, герой одного из стихотворений, путешественник прошлого, думал об амурских просторах: «В человека не веря, / Что эта земля / Существует для зверя» («Советская гавань») [Там же, с. 187]. В таких произведениях изобразительность, присущая поэтическому языку Комарова, зачастую отступает перед штампами, клише и идеологизированной риторикой.

Однако основу природоведческой и пейзажной лирики П. С. Комарова составляют не подобные стихотворения, а те, где показана самоценность природного мира, независимость его от человека. Этот тип поэтического мировосприятия становится заметным уже в стихотворениях конца 1920-х годов («Апрель», «Сенокос», «Охотник»), где человек показан как часть природного мира, а картины гармоничного равновесия между природным и человеческим создают идиллический образ.

3. Литературная критика второй половины 1940-х годов о пейзажной лирике П. С. Комарова

Именно эту «природоохранительную доминанту» увидела современная Комарову критика, почувствовав «идеологическую опасность» в стихотворениях, где ощутима «созерцательность» его поэзии и отсутствие в поэтическом сюжете героя-преобразователя. Так, критик Е. Мейерович в рецензии на первую книгу поэта «У берегов Амура» (1940) подчеркнул, что герой

лирики Комарова — человек, «созерцающий природу, тысячами нитей связанный с окружающим», но как недостаток отметил отсутствие деятельного героя: «Время требует другого героя, а у поэта человек-хозяин природы, подчиняющий себе природу и преобразующий её, человек-деятель <...> внев поэтического зрения» [Мейерович, 1946, с. 147]. Критик И. Машуков считал «крупнейшим идейным недостатком» пейзажной лирики Комарова пристальное внимание к «тайнствам и экзотике природы <...> в ущерб преобразователю природы — человеку» [Машуков, 1947, с. 122]. С. Э. Бабёнышева писала в 1951 году: «Раннее творчество П. Комарова по существу своему было созерцательным. Поэт остро чувствовал природу, умел передать самые тонкие и неуловимые черты и оттенки её, но современного человека <...> в стихах этих не было» [Бабёнышева, 1951, с. 157].

Замечания критиков нельзя считать вполне объективными, потому что образ деятельного героя, человека-творца занимает в поэтической картине Комарова заметное место — это первопроходец, геолог, ученый, строитель. Думается, что критика обратила внимание не на сам факт наличия или отсутствия героя-преобразователя в лирике поэта, но на характер общего природоведческого мировосприятия поэта, на ценностно-смысловые акценты его пейзажной лирики; в соцреалистический канон не вписывался созерцательный тип мировосприятия поэта. Как отмечено исследователем Л. Я. Гурлёновой, в эти годы даже само понятие «чувство природы» подвергалось резкой критике, воспринималось как идеологически вредное и получало в критической литературе соответствующие «ярлыки»: «натуралистически-биологическое описание», «пропаганда патриархальности», «отрицание человеческих возможностей», «нежелание отражать социалистическую современность» и т. д. [Гурлёнова, 1998, с. 12]. В такой реальности и стихотворения Комарова с ярко выраженным «чувством природы» вызывали настороженность критики.

4. Чувство природы в лирике Комарова и идеи русского космизма. Содержание и поэтика цикла «Зелёный пояс»

Ведущий тип мироотношения лирического героя у Комарова — это созерцательность и сопричастность миру природы: герой готов «следить часами / за голубым сияньем льда» («Зима в Эвенкии») [Комаров, 1992, с. 74]; способен различить, «какой тропой / Олень спешит на водопой» («Хинганский родник») [Там же, с. 71]; он не «берет» у природы, но «отдает» ей свои знания и труд: «Таинственным силам растения / Ты отдал свое вдохновенье» («Ботаник») [Там же, с. 58]. Лирический герой Комарова не «покоряет» природу, а как бы обнаруживает точки личного соприкос-

новения с ней: «Как стих без единой запинки / Читать наизусть я готов / Всю степь — до китайской сарпинки / Ее запоздалых цветов» («Как стих без единой запинки») [Там же, с. 106].

Поэт обладал своим поэтическим пониманием «мирного» и «родственного» освоения пространства. Преображение природы в мире Комарова связано не с «ломкой» и «покорением», но с идеей «изучения» и «украшения» природы; образ человека-творца и его активного познающего отношения к миру природы сочетается с видением природы как тайны, хранящей природное и историческое, а ведущий тип отношения человека к природе — понимание, внимание и память.

Л. Я. Гурленова считает, что в атмосфере утверждения пафоса господства над природой советская природоведческая литература взяла на себя «охранительную функцию», противостояла потребительско-эгоистическому отношению человека к природе. Опору этого противостояния исследователь видит в ориентации на духовный опыт прошлого, на традиции патриархальной национальной жизни и народный пантеизм. «Чувство природы исторически сформировалось на основе пантеистического мирозерцания, давшего связующую нить в будущее»; литература, отражая чувство природы, присущее народному мирозерцанию, способствовала культивированию этого чувства, «сохранению основанного на историческом опыте представления о соотношении двух основных величин на Земле — природы и человека» [Гурленова, 1998, С. 20—22].

Пользуясь характеристикой ученого, пейзажную лирику Комарова также можно охарактеризовать как «культивирование чувства природы». Этот тип мировосприятия обнаруживает точки пересечения с научными «природоохранительными» концепциями своего времени, а именно с идеями русского космизма, в той области, где утверждается единство человека и природы, целостности и всеобщей связи исторического процесса, вечности бытия.

В современной науке термин *космизм* используется применительно к научно-философским концепциям русских ученых-космистов (Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского) или как обозначение общего направления научно-философской мысли конца XIX — первой половины XX века, определившего дух многих научно-философских и художественных произведений, см.: [Филенко, 2012, с. 5]. В такой трактовке космизм (антропокосмизм, философия единства, эволюционная философия) связан с пониманием эволюционного характера воздействия человека на мир природы: человек «направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, берет <...> штурвал эволюции в свои руки. <...> Речь по существу идет о расширении прав сознательно-духовных сил, об

управлении духом материи, об одухотворении мира и человека» [Семенова, 1993, с. 4]. В этом случае «космизм» развивает концепции гармоничного единения с природным миром, духовного смысла человеческого бытия, преобразования физического облика человека на духовных началах [Ануфриев, 2012, с. 115; Филенко, 2012, с. 5].

Такой подход позволял выявить точки пересечения идей космистов и многих писателей, притом разделенных эпохами и различными мировоззренческими основаниями: В. Ф. Одоевского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Платонова, А. Толстого, М. Пришвина, поэтов Серебряного века, русского авангарда и Пролеткульта, см., в частности: [Кичигина, 2018; Курьянова, 2013; Подоль, 2017]. Можно увидеть отражение этого типа природного мировосприятия и в пейзажной лирике П. С. Комарова. Мысль о творческой и преображающей роли человека, о его ответственности за все живое пронизывает лучшие стихи Комарова и вписывается в общий контекст эволюционной мысли, присущий взглядам русских космистов.

Идеи деятельно-творческого отношения к миру природы, в частности, получают воплощение в цикле «Зеленый пояс», который в 1950 году (вместе с циклами «Маньчжурская тетрадь» и «Новый перегон») был удостоен Сталинской премии. Стихотворения цикла обращены к проблеме «природа» и «цивилизация», см.: [Хуан Цзянь, 2020]. В контексте настоящего исследования интересно обратить внимание на миссию человека по преобразованию природы, как ее видел П. С. Комаров: человек выступает в роли творца, формирующего облик своей планеты.

Поводом для создания цикла послужил государственный проект, введенный в действие постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений ...» («Сталинский план преобразования природы»), который утвердил организацию полезащитного лесоразведения в южных районах Советского Союза для защиты от засух, песчаных бурь и суховеев. По мнению специалистов, объем проведенной работы не имел аналогов в мировой природоохранительской практике, см., в частности: [Мазуров, 2020].

В цикле находит поэтическое воплощение мысль о том, что интеллектуальными усилиями и трудом человека достигается процветание земли. В стихотворениях («Дуб», «Суховей», «Зеленый пояс», «Бархатное дерево», «Сборщик желудей», «Леса шумят») воспевается труд человека по преобразованию природы: «зной песков» преодолевается шумом рош, на полюсе холода «ртуть мертва, но яблоня цветет» («Зеленый пояс») [Комаров, 1992, с. 180]. Достижения научной и технической мысли в поэтическом мире Комарова приобретают характер «чуда», творческого привнесения

в природное (земное) начало одухотворяющей мысли, преодоления инертности материального начала.

В стихотворении «Бархатное дерево» «природоведческое событие» — рассылка семян дальневосточных деревьев по стране для дальнейшей высадки — переосмысливается как символ превращения всей земли в будущий сад: «бархатное дерево с Амура / Вдруг зашумит в украинском селе», «А, может быть, в защитной полосе / Оно шатром раскинется над степью», «А, может, у дороги зацветет» («Бархатное дерево») [Там же, с. 178]. В стихотворении «Сборщик желудей» герой оказывается «отцом» будущей дубовой рощи: «Собрав немалое количество / золотобоких желудей <...> В своей корзине рощу целую / Парнишка утром пронесил» («Сборщик желудей») [Там же, с. 179].

Во многих стихотворениях Комарова звучит мысль о нравственной ответственности человека перед историей, памятью предков. В поэзии Комарова чувство братства, сыновняя ответственность, память занимают важное место. Идея Н. Ф. Федорова о нравственной ответственности потомков перед предками, воплотившаяся у философа в теории будущего всеобщего воскрешения, в поэтическом мире Комарова получает воплощение в концепции «вечной жизни» в памяти истории. Лейтмотивом проходит у поэта мотив исторической памяти, которую хранит сама Земля: не забыт подвиг амурских первопроходцев, положивших свои жизни ради того, «чтобы знамя России взвилось / над волною в Амурском лимане» («В Заливе Счастья») [Там же, с. 104]; река, устремленная «в новый век», помнит, «Как по ней гребные кочи / Вел Поярков-атаман» («Зея») [Там же, с. 59]. Топонимическая конкретика стихов Комарова не только создает колорит местности, но и обозначает целостное историко-географическое пространство, представляя единство пространства природы и культуры, см.: [Александрова-Осокина, 2019].

5. Художественные средства пейзажной поэтики П. С. Комарова

Формированию поэтической картины единения человека и природы, передаче особенностей созерцательного видения природного пространства служит комплекс художественных средств. Так, особенностью пейзажной поэтики Комарова можно назвать пейзаж-экфрасис, детально и зримо передающий визуальное впечатление. Главным художественным средством здесь выступают конкретные наименования явлений природного мира (названия растений и животных, ландшафтные характеристики и т. д.). «Тебя я вижу, мой Хинган, / И лес, и горы, и туман. / Там среди зарослей густых, / Звенит без усталости родник» («Хинганский родник») [Комаров, 1992, с. 71], «Я вышел на берег Усури, / где с таволгой шепчется клен» («Ледоход на

Усури») [Там же, с. 64]; «Зацветает мышинный горошек, И в метелку выходит пырей» («Сенокос») [Там же, с. 52], «Шмель расправил короткие крылья, / Вьются оводы — зноя гонцы, / И взлетают серебряной пылью / Под косой комары-толкунцы» («Сенокос») [Там же, с. 52].

Для создания наглядной картины значима цветопись, поэтому в текст вводятся цветковые эпитеты: «Но вот почернела вода, / Она здесь покоя не любит, / и к розовой пене нелюмбий / Пришла подступила беда» («Озеро Ханка») [Там же, с. 63], «Гор зазейских синяя полоска / Как туман спускается к реке» («Слышу голос — негу отголоска») [Там же, с. 52], «Утка быстрая в небе лиловом / прочертила крылами дугу» («Утка быстрая в небе лиловом») [Там же, с. 52], «Сизой волной остреды / Бегут и бегут вдоль дороги» («Беспутные ветры степей») [Там же, с. 111]. Используются также перифрастические и метафорические выражения со значением цвета: «Закат весенний над Амуром / Костром рыбачьим отгорел» («Звезды») [Там же, с. 83], «Озер серебряные слитки / И паутины тонкий шелк» («На Волочаевской сопке») [Там же, с. 127].

Визуальные средства дополняются акустическими: например, аллитерация помогает передать звук шороха движущегося по реке мелкого льда (шуги) — «Была тишина, и казалось, / Её не нарушат шаги. / Но к той тишине прикасалось / Живое шуршанье шуги» («Ледоход на Усури») [Там же, с. 64] или плеск волн — «Плескалась волна, и была в ней / То плавная лёгкость лысух, / То тихая жалоба плавней» («Озеро Ханка») [Там же, с. 63].

Средствами создания «зарисовок с натуры» становятся сюжетные картины: «Пришла коза напиться, / Стоит за тальниками, / Точеные копытца / Поставила на камень, / Потом к воде припала, / Прислушалась тревожно / И листик чернотала / Сорвала осторожно» («Коза») [Там же, с. 112]. Природа предстает в таких пейзажах, как бы не трансформируемая в сознании человека, а представленная как данность в своем собственном бытии.

Еще одной характерной особенностью поэтических пейзажей Комарова является панорамность изображения, которая создается применением различных планов и ракурсов. Например, членение пространства по вертикали и горизонтали: «На острова, на дальний плес, / На пережат / Свои последние лучи / Ронял закат. / Река и вдоль разделена, / И поперек / На сотни длинных и сквозных / Цветных дорог» («На острова, на дальний плес») [Там же, с. 31]. Многие пейзажи даны как «взгляд сверху»: «Две реки бегут с одной горы / <...> И одна торопится в Амур, / А другая в сумрачное море» («Две реки бегут с одной горы») [Там же, с. 131]; «Когда с высот Июнь-Корани / Я погляжу на край родной — Он сразу весь, как на экране, / Тогда встает передо мной» («На Волочаевской сопке») [Там же,

с. 119]; «Голубые хребты. / Голубая река. / Голубые снега на Шантарях» («Над Шантарскими островами») [Там же, с. 128].

Панорамное изображение предполагает особую точку наблюдателя, способного охватить взглядом мир природы в целостном видении. Панорамный взгляд создает эффект всеохватности природной картины, «где нет ничего, кроме бесконечности и вечности», показывает «вселенский» масштаб природного мира; независимость мира от человека, см.: [Балан, 2007, с. 55]. В таком способе видеть мир заключается определенная «философичность восприятия» природы, готовность человека воспринимать размах пространства. Развивая эту мысль, уместно вспомнить слова А. Бизе о чувстве природы: «Внешняя природа не могла бы сделаться символом человеческой души, если бы не существовало внутреннего сродства между внутренним миром человека и внешним миром природы» [Цит. по: Дмитриевская, 2016, с. 6—7].

Находит у Комарова воплощение образ «земля-сад». В лирике сталинского периода метафора «природа-сад» служила прославлению достижений советского строительства и человека, создающего рукотворный «рай на земле» [Разумовская, 2010, с. 26—27]. У Комарова образ «природа-сад» становится частью его художественного мира, воплощает идею труда человека во имя облагораживания земли: «И воспрянет природа / Преображенная в сад» («Лувен») [Комаров, 1992, с. 58]; «Да белеют из тумана / Ветви яблонь у воды: / Это внуки атамана / здесь раскинули сады» («Зея») [Комаров, 1992, с. 60].

С темой преобразования земли связан мотив «присвоения имени»: «Да, мы не раз географа помянем, / Что шёл тайгой в былые времена, / Давал названья рекам безымянным, / Придумывал для сопок имена» [Комаров, 1992, с. 164]. Имянаречение связано с привнесением в самодостаточную и «отстраненную» от человека природу духовного начала, человек выступает в роли Творца земли, «окультуривая» ее и превращая природное пространство в природно-историческое. Здесь уместно вспомнить слова Н. И. Надеждина, сказанные еще в 30-е годы XIX века о том, что географические названия являются «первым свидетельством исторического существования народов» [Надеждин, 1837, с. 27].

В художественном мире поэта часто используется прием символического обобщения, когда произведение приобретает притчевый характер, а конкретный жизненный факт видится как знак общечеловеческих ценностей и идеалов. Например, в стихотворении «Шалаш в тайге» поэтическое переосмысление получает охотничий обычай оставлять в лесу на стоянках необходимый минимум припасов для обеспечения отдыха будущего путника. У Комарова эта традиция получает символическое осмысление как

нравственный ориентир в выстраивании отношений между людьми. В системе ценностей поэта важно, что человек о другом человеке, о чужом, «подумал, как о друге»; оставленные «огниво и трут» поэт символически переосмысливает как оставленное «свое тепло» [Комаров, 1992, с. 70]. Так, природоведческий обычай в поэтическом мире Комарова становится основой для притчи о духовно-нравственном преображении человека. Человек в художественном мире Комарова обнаруживает свое человеческое, личностное начало не в автономном индивидуалистическом существовании, но в человечности и чувстве братства.

8. Значение лирики П. С. Комарова в общей картине развития советской дальневосточной литературы

В пейзажной и природоведческой поэзии Комарова ощутим интерес к вопросам вселенского, земного времени, исторического и личного прошлого; сильны идеи «содружества» человека с историей, социальным и природным миром; освоение земли оказывается не «покорением», а в большей мере познанием ее природных и исторических тайн. Поэт обнаруживает моменты наличия всеобщих связей, гармонии, слияния человека с природным миром. Особенно эти идеи ощутимы в стихотворениях последнего десятилетия.

Ценностное начало поэзии Комарова строится на понимании человека как центра потока времени и пространства. Лирический герой Комарова — это человек, «пропускающий через себя» свою эпоху, историческую память, ощущающий неразрывную связь с природным и человеческим миром. Общее пространство смыслов (концептов, образов) между мировоззренческой и образной сферой космизма и поэтической системой лирики П. С. Комарова обусловлено идеей «одухотворения» всей природы и включает такие образы, как «человек», «природа», «время», «преобразование мира», «природа-сад», «память», «сопричастность»; созвучны идеям космистов оказываются мотивы сохранения исторического наследия прошлого, преодоления исторического беспамяательства, а также идеи преемственности, памяти, связи с духовным наследием прошлого.

Изучение творчества П. С. Комарова обогащает картину развития отечественного литературного процесса первой половины XX века. Обозначенная Н. К. Пиксановым еще в начале XX века задача изучения духовных традиций «областных культурных гнезд» [Пиксанов, 1928] и в настоящее время не утрачивает своей значимости, но при этом в атмосфере культурной интеграции и глобализации способствует формированию устойчивого индивидуального культурного облика географических регионов России.

Дальневосточные историко-культурные и природоведческие реалии поэзии Комарова не являются элементом «краеведческой экзотики», а формируют геопоэтическое пространство русской литературы.

Источники

1. *Бабеньшица С. Э.* Путь героя / С. Э. Бабеньшица // Знамя. — 1951. — № 3. — С. 157—161.
2. *Комаров П. С.* Избранное / П. С. Комаров. — Хабаровск : Книжное изд-во, 1992. — 256 с.
3. *Машуков И.* Стихи дальневосточных поэтов / И. Машуков // Дальний Восток. — 1947. — № 1. — С. 118, 122—128, 132—134.
4. *Мейерович Е. Г.* Путь к человеку [Заметки о стихах Пётра Комарова] / Е. Г. Мейерович // Дальний Восток. — 1946. — № 3. — С. 145—157.
5. *Наеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира / Н. И. Наеждин // Библиотека для чтения. — 1837/ — Т. 22, Отд. III. — С. 27—70.
6. *Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда : Историко-краеведный семинар / Н. К. Пиксанов. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. — 148 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова-Осокина О. Н.* Поэтическая топография Приамурья в поэзии Петра Комарова / О. Н. Александрова-Осокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2019. — № 4. — С. 82—90. — DOI : 10.18384/2310-7278-2019-4-90-98.
2. *Ануфриев А. Е.* Утопическое мышление как знаковое явление литературного процесса в России 20-х гг. XX века / А. Е. Ануфриев // Вестник Вятского государственного университета. — 2012. — № 1. — С. 110—115.
3. *Балан М. В.* Панорамный пейзаж в творчестве Ван Гога / М. В. Балан // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2007. — Т. 176. — С. 49—69.
4. *Гаврилина О. В.* Пейзаж — чувство природы — натурфилософия в художественной литературе : основные аспекты изучения / О. В. Гаврилина // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. — 2009. — № 3. — С. 30—37.
5. *Гурленова Л. В.* Чувство природы в русской прозе 1920—1930-х гг. / Л. В. Гурленова. — Сыктывкар : Сыктывкарский университет, 1998. — 179 с.
6. *Дмитриевская Л. Н.* Портрет и пейзаж в русской прозе : традиция и художественные эксперименты : монография / Л. Н. Дмитриевская. — Москва : ФЛИНТА, 2016. — 199 с. — ISBN 978-5-9765-2803-1.
7. *Кичигина В. В.* Эволюция русского космизма в отечественной поэзии XVIII—XX веков / В. В. Кичигина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10 (88). — Ч. 2. — С. 255—260.
8. *Курьянова И. К.* Философия космизма и русское искусство начала XX века / И. К. Курьянова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. — 2013. — № 3. — С. 173—177.
9. *Мазуров Ю. Л.* Сталинский план преобразования природы : 70 лет спустя / Ю. Л. Мазуров // Эколого-географические исследования в речных бассейнах. Материа-

лы пятой всероссийской научно-практической конференции. — Воронеж : Наука-ЮНИ-ПРЕСС, 2020. — С. 145—148.

10. *Подоль Р. Я.* Космическое мировидение в художественной символике классической русской поэзии / Р. Я. Подоль // *Космизм и органицизм : эволюция и актуальность. Материалы IV Международной научной конференции 18—19 ноября 2016 г.* — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017. — С. 160—168. — ISBN 978-5-7310-3870-6.

11. *Разумовская А. Г.* Сад в русской поэзии XX века : феномен культурной памяти: автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. Г. Разумовская. — Санкт-Петербург, 2010. — 35 с.

12. *Семенова С. Г.* Русский космизм / С. Г. Семенова // *Русский космизм : Антология философской мысли.* — Москва : Педагогика-Пресс, 1993. — С. 3—32.

13. *Смирнова А. И.* Русская натурфилософская проза второй половины XX века : учебное пособие / А. И. Смирнова. — Москва : «ФЛИНТА», 2012. — 287 с. — ISBN 978-5-89349-720-5.

14. *Филенко Л. П.* Русский космизм : социокультурный проект и рациональный конструкт : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Л. П. Филенко. — Белгород, 2012. — 24 с.

15. *Хуан Цзянь.* Тематика и поэтика цикла П. С. Комарова «Зеленый пояс» / Хуан Цзянь // *Книжная культура дальневосточного региона : проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации : сборник статей всероссийской научно-методической конференции (с международным участием) «Книжная культура дальневосточного региона : проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации» (Хабаровск, 21—22 ноября 2019 г.).* — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2020. — С. 93—97.

THEME “MAN AND NATURE” IN THE POETRY OF PETER KOMAROV

© **Olga N. Alexandrova-Osokina (2021)**, orcid.org/0000-0003-2960-9920, **Doctor** of Philology, Associate Professor, Department of Literature and Journalism, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), osokina-11@mail.ru.

The author's elaboration of the content and poetics of landscape and natural history lyrics of the Far Eastern poet, winner of the Stalin Prize of the third degree P. S. Komarov (1911—1949) is presented. The novelty of the research lies in the fact that the poet's work has practically not been studied. The relevance of the study is due to the attention of modern literary criticism to the problems of the literary process of the Soviet period, as well as interest in literary and regional studies. The idea is substantiated that the theme “man and nature” was central in the poetry of P. S. Komarov. It is noted that the dominant principle in the disclosure of this topic were the ideas of all-unity and participation. The question is raised about the nature of the reflection of the ideas of the era in the lyrics: in particular, the points of intersection of the poetic perception of the world in the poems of the “Green Belt” cycle with the ideas of Russian cosmism are revealed. Observations on the specifics of the poetics of Komarov's landscape lyrics were carried out: the form of the landscape-ecphrasis, the artistic functions of the landscape detail, color painting, toponymy, panoramic image were revealed; some images-motives (nature-garden, nature-book; motive of the brotherhood of the memory of the earth) is revealed. The unique materials of literary criticism of the second half of the 1940s, associated with the assessment of Komarov's work are presented in the article.

Key words: Komarov Peter Stepanovich; literary regional studies; geopoetics; landscape and natural history lyrics; ekphrasis landscape.

MATERIAL RESOURCES

Babenyshva, S. E. (1951). Put' geroya [The hero's Journey]. *Znamya* [Banner], 3: 157—161. (In Russ.).

Komarov, P. S. (1992). *Izbrannoye* [Favorites]. Khabarovsk: Knizhnoye izd-vo. 256 p. (In Russ.).

Mashukov, I. (1947). Stikhi dalnevostochnykh poetov [Poems of Far Eastern poets]. *Dalny Vostok* [Far East], 1: 118, 122—128, 132—134. (In Russ.).

Meyerovich, E. G. (1946). *Put' k cheloveku (Zametki o stikhakh Petra Komarova)* [Path to man (Notes on the poems of Peter Komarov)]. *Dalny Vostok* [Far East], 3: 145—157. (In Russ.).

Nadezhdin, N. I. (1837). Opyt istoricheskoy geografii russkogo mira [Experience of historical geography of the Russian world]. In: *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 22 (III): 27—70. (In Russ.).

Piksanov, N. K. (1928). *Oblastnyye kulturnyye gnezda: Istoriko-krayevednyy seminar* [Regional cultural nests: Historical and local history seminar]. Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo. 148 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2019). Poeticheskaya topografiya Priamurya v poezii Petra Komarova [Poetic topography of the Amur region in the poetry of Pyotr Komarov]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 4: 82—90. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-90-98. (In Russ.).
- Anufriyev, A. E. (2012). Utopicheskoye myshleniye kak znakovoye yavleniye literaturnogo protsessa v Rossii 20-kh gg. XX veka [Utopian thinking as a sign phenomenon of the literary process in Russia of the 20s of the XX century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik Vyatka State University], 1: 110—115. (In Russ.).
- Balan, M. V. (2007). Panoramnyy peyzazh v tvorchestve Van Goga [Panoramic landscape in the works of van Gogh]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Proceedings of Saint-Petersburg state University of culture and arts], 176: 49—69. (In Russ.).
- Dmitriyevskaya, L. N. (2016). Portret i peyzazh v russkoy proze: traditsiya i khudozhestvennye eksperimenty: monografiya [Portrait and landscape in Russian prose: Tradition and artistic experiments: monograph]. Moskva: FLINTA. 199 p. ISBN 978-5-9765-2803-1. (In Russ.).
- Filenko, L. P. (2012). *Russkiy kosmizm: sotsiokulturnyy proekt i ratsionalnyy konstrukt*. Author's of PhD Diss. [Russian cosmism: socio-cultural project and rational construct. Author's of PhD Diss.]. Belgorod. 24 p. (In Russ.).
- Gavrilina, O. V. (2009). Peyzazh — chuvstvo prirody — naturfilosofiya v khudozhestvennoy literature: osnovnyye aspekty izucheniya [Landscape — a sense of nature — natural philosophy in literature: key aspects of learning]. *Vestnik RUDN, seriya Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Vestnik RUDN, Literaturovedenie series. Journalism], 3: 30—37. (In Russ.).

- Gurlenova, L. V. (1998). *Chuvstvo prirody v russkoy proze 1920—1930-kh gg.* [The feeling of nature in Russian prose of the 1920s—1930s]. Syktyvkar: SyktyvkarSKIY universitet. 179 p. (In Russ.).
- Huang Jian. (2020). Tematika i poetika tsikla P. S. Komarova «Zelenyy poyas» [Topics and poetics of the cycle of P. S. Komarov “Green Belt”]. In: *Knizhnaya kultura dalnevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkulturnoy kommunikatsii: sbornik statey vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem) «Knizhnaya kultura dalnevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkulturnoy kommunikatsii» (Khabarovsk, 21—22 noyabrya 2019 g.)*. [Book culture of the Far Eastern region: problems of history, methodology, intercultural communication: collection of articles of the All-Russian scientific and methodological conference (with international participation) “Book culture of the Far Eastern Region: problems of history, methodology, intercultural communication” (Khabarovsk, November 21—22, 2019)]. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta. 93—97. (In Russ.).
- Kichigina, V. V. (2018). Evolyutsiya russkogo kosmizma v otechestvennoy poezii XVIII—XX vekov [Evolution of Russian cosmism in Russian poetry of the XVIII—XX centuries]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 10 (88), 2: 255—260. (In Russ.).
- Kuryanova, I. K. (2013). Filosofiya kosmizma i russkoye iskusstvo nachala XX veka [Philosophy of cosmism and Russian art of the early twentieth century]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky], 3: 173—177. (In Russ.).
- Mazurov, Yu. L. (2020). Stalinskiy plan preobrazovaniya prirody: 70 let spustya [Stalin’s plan for the transformation of nature: 70 years later]. In: *Ekologo-geograficheskoye issledovaniya v rechnykh basseynakh. Materialy pyatoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ecological and geographical studies in river basins. Materials of the fifth All-Russian Scientific and Practical Conference]. Voronezh: Nauka-YuNIPRESS. 145—148. (In Russ.).
- Podol’, R. Ya. (2017). Kosmicheskoye mirovideniye v khudozhestvennoy simvolike klassicheskoy russkoy poezii [Cosmic worldview in the artistic symbolism of classical Russian Poetry]. In: *Kosmizm i organizmizm: evolyutsiya i aktualnost’. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 18—19 noyabrya 2016 g.* [Proceedings of the IV International scientific conference 18—19 November 2016]. Sankt-Peterburg: izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 160—168. ISBN 978-5-7310-3870-6. (In Russ.).
- Razumovskaya, A. G. (2010). *Sad v russkoy poezii XX veka: fenomen kulturnoy pamyati*. Author’s abstract of Doct. Diss. [Garden in the Russian poetry of the XX century. Author’s abstract of Doct. Diss.]. Sankt-Peterburg. 35 p. (In Russ.).
- Semenova, S. G. (1993). Russkiy kosmizm [Russian cosmism]. In: *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: anthology of philosophical thought]. Moskva: Pedagogika-Press. 3—32. (In Russ.).
- Smirnova, A. I. (2012). Russkaya naturfilosofskaya proza vtoroy poloviny XX veka: uchebnoye posobiye [Russian natural philosophy prose of the second half of the twentieth century: textbook]. Moskva: FLINTA. 287 p. ISBN 978-5-89349-720-5. (In Russ.).